

УДК 82.091(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-64-82

Историческая школа
в российском и советском эпосоведении:
деконструкция метода

Яна И. Павлиди

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, augusta.pavliidi@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены первые наработки классификации исследовательских оптик представителей исторической школы в эпосоведении. Классификация основывается не на методологических приемах ученых, а на выборе исследуемого материала: такой принцип разделения позволит избежать дальнейшей путаницы в тех случаях, когда один и тот же исследователь использует сразу несколько механизмов «исторического сравнения» при анализе былин. Материалами для исследования стали работы представителей исторической школы (В.Ф. Миллер, А.В. Марков, В.В. Пименов, Ю.А. Новиков и др.) и тексты былин. Предварительно (и в качестве материала для дальнейшей разработки) я выделяю три основных исследовательских подхода в изучении русского эпоса: «материальный», «содержательный» и подход, в рамках которого изучается «социальный контекст».

Ключевые слова: историческая школа, эпосоведение, историзм, методология, русский эпос

Для цитирования: Павлиди Я.И. Историческая школа в российском и советском эпосоведении: деконструкция метода // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 64–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-64-82

© Павлиди Я.И., 2023

The historical school in Russian epic studies. Deconstructing the method

Yana I. Pavlidi

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
augusta.pavlidi@gmail.com*

Abstract. This article presents the attempt in the classification of research approaches used by representatives of the so-called Russian Historical School in epic studies. The classification is based on the choice of material studied rather than on the methodological methods of the researchers. This principle of division aims to avoid confusion when the same researcher employs multiple mechanisms of “historical comparison” in the analysis of bylinas. The material for this study includes works by representatives of the Historical School (such as Vsevolod Miller, Alexey Markov, Vladimir Pimenov, and Yuri Novikov) and texts of byliny. Three main research approaches in the study of Russian epics are preliminarily identified and presented as material for further development: the “material” approach, the “substantive” approach, and the approach that studies the “social context”.

Keywords: Historical School, Epic Studies, Historicism, Methodology, Russian epic

For citation: Pavlidi, Ya.I. (2023), “The historical school in Russian epic studies. Deconstructing the method”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 64–82, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-64-82

В эпосоведении довольно много вопросов, которые считаются открытыми и не до конца решенными: время возникновения былин, генезис, характер их распространения, прагматика жанра в самом начале его бытования и др. Одним из самых проблемных вопросов, волнующих исследователей и в настоящее время, является историзм русского эпоса, о характере которого нет четко разработанных конвенций. Свойственная эпосу установка на достоверность и закономерное желание ученых найти в былинах то, что могло бы соответствовать исторической действительности, привели к формированию целой исследовательской школы на рубеже XIX–XX вв.

Мое внимание сосредоточено главным образом на методологической базе представителей исторической школы: как ученые

подходили к вопросу историзма (что именно они считали историческим фактом?), с помощью каких механизмов «исторического сравнения» анализировали тексты былин и т. д. Некоторых аспектов этого вопроса касаются С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 2015, с. 113–114], Н.В. Петров [Петров 2017, с. 8–12], говоря о том, как и почему некоторые ученые исторического толка ищут и находят в эпосе следы реальных исторических событий и географических объектов и почему былина не может быть источником географических и исторических сведений. В культурологическом аспекте рассматривает исследователей былин в своей диссертации Ю.Е. Букатина. Исследовательница показывает, как обосновывается «древность эпоса», где локализуются прототипы эпических героев и анализирует понятие «исторический факт» как важный аспект дискурсивного поля историографических практик [Букатина 2005].

Я не хочу опровергнуть или доказать правоту или неправоту ученых исторической школы: мне интересны именно аргументы, с помощью которых выстраивается историческое знание в эпосе. Концептуальной точкой отсчета для моей работы стала теория Джона Ло о текучести, множественности и гетерогенности как о главных качествах реальности [Ло 2015]. В работе «После метода» он выступает против аргументов исследователей в социальных науках, которые навязывают реальности определенность. В случае с историческим эпосоведением это проявляется практически в каждой работе: исследователи видят эту реальность в самых разных фрагментах текста: именах, топонимах, сюжетах, деталях. Вслед за Дж. Ло я полагаю, что ученые исторического направления в эпосоведении не столько описывают и реконструируют историческую действительность, исследуя русский эпос, сколько сами участвуют в ее создании.

Среди основных методов исторического направления в эпосоведении можно назвать сопоставление былинных текстов с письменными памятниками, но поиском прямых параллелей (бытовые детали, имена и события) представители школы, конечно, не ограничиваются. Помимо письменных источников, представленных в основном летописными известиями, для анализа привлекаются дополнительные материалы (прежде всего археологические и лингвистические). Важное место в выборе аналитического подхода также занимает специальность ученого: от того, каким инструментарием он располагает, зависит архитектоника всего дальнейшего исследования.

В этой работе показана и проанализирована методология исследовательского поиска лишь некоторых наиболее показательных представителей исторической школы – в дальнейшем этот круг

будет расширен, а их методология и механизмы исторического сравнения уточнены. Кроме того, в последующих работах я учту и хронологию развития методов представителей исторической школы в эпосе: начало и конец XX в. будут различаться прежде всего по отсутствию или наличию новых исторических данных, привлекаемых для сравнения с эпосом. На данном этапе мне важно наметить общие контуры исследовательских оптик эпосоведов, показать работающие механизмы выявления исторических событий в русском эпосе, поэтому я буду сопоставлять разновременные работы и сравнивать их не последовательно, а исходя из выделенных мною принципов.

Одним из первых исследователей, предпринявшим попытку сопоставить былинных героев с историческими лицами, а эпические сюжеты – с событиями прошлого, был К.Ф. Калайдович. В предисловии к сборнику «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова¹ он пишет, что большинство эпических имен и подвигов являются вымыслом, но часть из них все же принадлежит реальной действительности. В этом небольшом тексте К.Ф. Калайдович сравнивает эпические тексты с летописными известиями и иными письменными источниками (то, чем впоследствии более развернуто и подробно будет заниматься основатель школы В.Ф. Миллер и его ученики) и делает заключения, выводя реестр исторических богатырей и персонажей.

Алеша Попович – это витязь Александр Попович, которого упоминает В.Н. Татищев в «Истории Российской». В описанном известии Александр Попович выходит ночью с войском и обнаруживает готовящихся взять Киев печенегов во главе с изменником Володарем. В результате стычки Александр и его войско побеждают врагов².

Ставр Гоудинович – это исторический сотский Ставр, которого в 1118 г. за грабеж отправляют в ссылку князь Мстислав и Владимир (Новгородская летопись)³.

Гуслар Садко жил в XII в. и в 1167 г. построил в Новгороде церковь Бориса и Глеба. Его имя сохранилось в двух вариантах: в Новгородской харатейной летописи упоминается Сад (Сод) Косытниц, а в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина он называется Соткою⁴.

¹См.: *Калайдович К.Ф.* Предисловие ко 2-му изданию 1818 года // *Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым.* М.: Тип. А.А. Торлецкого и К°, 1878. С. 1–20 (I–XX).

²Там же. С. 8 (VIII).

³Там же. С. 9 (IX).

⁴Там же. С. 9–10 (IX–X).

Приведенные выводы К.Ф. Калайдовича важны для понимания материала, на который будут ориентироваться исследователи исторической школы в дальнейшем. Он указывает на наличие в летописях имен исторических лиц, ставших прототипами для былинных героев (руководствуясь или полным совпадением имен, или их созвучием, как в случае с Садко). Различные события тоже важны для исследователя, но главным основанием для сравнения являются имена, они – главный исторический маркер, именно к ним привязаны характеристики и подвиги. Логика исторического сравнения здесь проста: сказители или «стихотворцы», как их называет К.Ф. Калайдович, создавали эпические сюжеты, соединяя в них вымысел и черты реальной действительности. Верными источниками для сопоставления оказываются летописи и труды историков, между которыми исследователь ставит знак равенства. Последнее понятно: и В.Н. Татищев, и Н.М. Карамзин в работах использовали ранее не опубликованный исторический материал. Совпадение имен богатырей и «прототипов» очевидное, все перечисленные в летописях лица (за исключением Ставра) – национальные герои или воины, совершившие подвиги. Ровно то же вслед за К.Ф. Калайдовичем будут делать и представители исторической школы: Добрыня Никитич будет отождествляться с дядей Владимира Святославича, а былинный Алеша Попович – с летописным Александром Поповичем.

Основателем и непосредственным учителем некоторых представителей (А.В. Маркова, Н.В. Васильева, С.К. Шамбинаго и др.) исторической школы был В.Ф. Миллер. Основные положения, ставшие фундаментальными для исторической школы, были сформулированы им в «Очерках русской народной словесности»⁵. В теоретических положениях В.Ф. Миллера было выражено сразу несколько идей, дополняющих друг друга:

1. Былины сложились или «выросли» на национальной почве.
2. В изучении былин важно учитывать наличие в них бродячих сюжетов (теория заимствований).
3. Кроме бродячих сюжетов важно учитывать влияние книжных источников.

Такой разносторонний подход к изучению русского эпоса позволял, с одной стороны, расширить границы исследования (здесь и исторические основы былин, и их связь с международным эпическим фондом на примере бродячих сюжетов, и влияние письмен-

⁵См.: Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности: В 3 т. Т. 2: Былины. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 416 с.; Т. 3: Былины и исторические песни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1924. 351 с.

ных памятников на эпические сюжеты), а с другой – ограничивал возможности интерпретации и тем самым не давал делать ошибочные суждения (речь о тех случаях, когда, например, представители подхода, связанного с поиском «материальных» артефактов, нащупывали историческое зерно в *loci communes*, заведомо ступая на сомнительный исследовательский путь).

Несмотря на то что проблема историзма русского эпоса не раз поднималась исследователями (см., например, дискуссию В.Я. Проппа⁶ и Рыбакова и обобщающие работы С.Н. Азбелева, Т.Г. Ивановой [Азбелев 1982; Иванова 2009, с. 110–151]), былиноведы не затрагивали вопрос о методологических основаниях для выявления «исторического факта» в эпосе. В этой работе я хочу обратить внимание не на критические основания для наличия или отсутствия того или иного исторического события в былинах, а показать важность выявления дисциплинарных оптик, с помощью которых такие события находятся. Именно поэтому для выявления механизмов анализа былинных текстов в рамках исторического эпосоведения необходимо выделить основные исследовательские подходы или «дисциплинарные» оптики. Как представляется, именно направления исследований в смежных дисциплинах – истории (пристальное внимание историков к событиям XVII в., новая концепция феодализма и т. п.), археологии (открытие Черной могилы кургана X в., гробниц Причерноморья и т. д.), лингвистики (методы работы пражского кружка и отдельно Романа Якобсона) влияют на эпосоведов и формируют тот или иной поворот в способах мышления об эпосе и механиках исследования эпического историзма. На первый взгляд, можно выделить три доминирующих оптики.

Первая – «оптика исторического факта» (В.Ф. Миллер, А.В. Марков, И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин), для которой главным оказывается историческое событие или исторический факт. Под «историческим фактом» может подразумеваться как полноценное событие, имеющее локальную привязку, героев-участников и фиксацию в письменном источнике, так и отдельные, более мелкие единицы «исторического сравнения» – топонимы, имена персонажей, бытовые детали и др.

«Археологическая» оптика (Б.А. Рыбаков⁷, Р.С. Липец, С.В. Конча) построена на соотношении былинного текста с археологическими данными и находками. В отличие от исторической

⁶См.: *Пропп В.Я.* Об историзме русского эпоса (ответ академику Б.А. Рыбакову) // Русская литература. 1962. № 2. С. 87–91.

⁷См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд. АН СССР, 1963. 361 с.

оптики, предполагающей возможность интерпретировать один и тот же факт по-разному, археологическая, основанная на материальных данных, в этом смысле будет ограничена.

Третья исследовательская оптика – «лингвистическая» (Р.О. Якобсон, Ю.А. Новиков). Экскурс в историю здесь начинается со слова (личные имена, архаизмы и историзмы и др.), с «исторических маркеров», разбросанных по всему былинному тексту.

Названия оптик взяты в кавычки, так как сами слова «исторический факт», «археология», «лингвистика» оказываются доминирующими при определении основного предмета для исследователей, а бэкграунд ученых предполагает обращение либо к инструментарию дисциплин, либо к предмету исследований в рамках этих направлений. Важно понимать, что тот или иной ученый может привлекать большое количество разнородных данных, доказывая свою точку зрения, поэтому оптики переплетаются в клубок, который распутывать сложно, а возможно, и не нужно.

Кроме собственно исторических, археологических или лингвистических материалов исследователи обращались и к другим данным в качестве дополнительной аргументации (этнографическим и мифологическим) [Конча 2010; Фроянов, Юдин 1997; Новиков 2000], сравнивали былины с эпическими текстами других стран, предпринимали попытку ответить на вопросы о происхождении и эволюции сюжетов, их географическом распространении и т. д.⁸ [Липец 1969].

С другой стороны, если рассматривать проблему глубже, «дисциплинарные» оптики не позволяют полностью ответить на проблемный вопрос, поставленный в начале статьи. Кроме того, деление на исследовательские оптики достаточно поверхностно, поскольку все они между собой тесно связаны, и «чистые» случаи, где лингвист обращается только к лингвистическим данным, а археолог – к археологическим, не встречаются. Привлечение материалов из смежных дисциплин – это постоянная практика, используемая эпосоведами. Даже принимая во внимание то, что в том или ином случае может доминировать только одна оптика (например, археологические данные оказываются главным материалом для сравнения, остальные служат дополнением), «записать» исследователя только в одну группу нельзя.

Чтобы понять, по какому принципу можно разделить методологические подходы в изучении историзма русского эпоса, надо

⁸См.: *Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса: I–VIII. М.: Тип. т-ва Кушнерев и К°: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1892. 232 с.; *Он же.* Очерки русской народной словесности. Т. 2: Былины; Т. 3: Былины и исторические песни.

ответить на вопрос: что именно из былин берут исследователи для анализа? И здесь стоит уточнить, что я имею в виду не фрагменты былинного текста (как альтернативного исторического источника), а составляющие эпического мира – материальность (различные сооружения, одежда и вооружение героев, пища), содержательность (события – столкновения с врагами, соревнования между героями), социальный контекст (взаимоотношения князя и дружины). Что в первую очередь кажется исследователю «настоящим» и имеющим отношение к исторической действительности – событие и подвиги воинов, их одежда или архитектурные особенности города?

Интересна в этом смысле идея комплексного изучения русского эпоса (Р.С. Липец, В.В. Пименов и другие), согласно которой анализом былинных текстов должна заниматься целая группа специалистов – филологов, лингвистов, историков, археологов, этнографов и др. Если бы в отечественном эпосоведении существовала подобная практика, деление исследовательских методов на упомянутые выше «оптики» было бы логичным и само собой разумеющимся, поскольку этнографической стороной русского эпоса занимались бы этнографы, лингвистической – лингвисты и т. д. Но в эпосоведении сложилась другая практика: каждый представитель исторического направления – это универсальный специалист, который, хоть и придерживался некоторой преемственности, все же шел по собственному исследовательскому пути. Тем интереснее представляется моя задача, поскольку комплексный подход как будто бы исключает возможность дискуссий на тему историзма русского эпоса: если его изучением занимаются компетентные специалисты из смежных наук, то это уже подразумевает, что в былинах есть все то, для чего они привлекались.

Итак, рассмотрим методологические подходы в связи с предложенной (и на настоящий момент предварительной) классификацией более подробно.

Материальность. Поиск материальных элементов или артефактов в былинах – подход, кажущийся наиболее обоснованным в сравнении с другими из-за своего упора на фактологию, точные данные, подробные характеристики. Это тот случай, когда размер эпической чаши, употребляемой в качестве сосуда для хмельных напитков, в историческом плане кажется более важным, чем, например, эпические события. В рамках этого подхода рассматривается работа В.В. Пименова⁹.

⁹См.: Пименов В.В. Об отражении в былинах некоторых элементов материальной культуры // Вопросы литературы и народного творчества / Под ред. К.В. Чистова. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1957. С. 30–39.

В.В. Пименов, как и многие представители исторического направления, в работе использует сведения из самых разных письменных источников – от летописей до путевых заметок. При этом он не просто сопоставляет эти данные с былинными текстами, сравнивая, например, общие места и фрагменты из летописей, а фокусирует внимание на важных, по его мнению, деталях. Такой деталью в одном из примеров оказывается количество упоминаний определенного вида оружия.

Вооружение богатырей в былинах выглядит достаточно реалистично: герои стреляют из «крепкого лука», бьются «саблей вострой» и «копьем бурзаменским», носят «кольчуги» и «панцыри» и т. д. В.В. Пименову, как и другим представителям исторического подхода, было важно не просто зафиксировать наличие в эпосе чего-либо из реальной действительности, но и определить время, из которого былины это вобрали в себя¹⁰. Исследователь сопоставляет былинные тексты с данными письменных исторических источников:

1. Сабля упоминается в былинах чаще меча. Эта небольшая деталь оказывается принципиально важной для В.В. Пименова, поскольку сабля и меч были основным оружием в разное время. В летописях, датируемых IX–XIII вв., меч упоминается 52 раза, сабля – 3, из чего исследователь делает вывод, что былинная «сабля вострая» относится к уже более позднему времени (начиная с XIV в.), так как меч в этот период уже не являлся самым популярным оружием.

2. Исследователь также обращает внимание на постоянное упоминание булата в качестве материала, из которого изготавливалось оружие богатырей («булатен нож», полосы «булатные» у лука и т. д.). Слово «булат», как он далее отмечает, появилось на Руси лишь в XIV–XV вв. – как раз в то время, когда и сабля «вытеснила» меч на поле боя. До этого времени для обозначения стали использовались слова «оцел» и «харалуг»¹¹.

Поскольку оба примера отсылают к московскому периоду Руси, В.В. Пименов датирует былинное оружие примерно XIV–XV вв. Упоминания «пушечек» или огнестрельного оружия в эпосе исследователь считает случайным и относит к позднему времени. Далее исследователь, используя полученную информацию, как бы достраивает и реконструирует реальность (как бы писал об этом Джон Ло): если в летописи меч упоминается реже сабли, то в то время он уже не являлся основным оружием на поле боя. Кроме пись-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 33.

менных памятников он привлекает археологические (чара черниговского князя), этнографические (описание и перечень одежды) и лингвистические данные (обращение к родственным языкам для «расшифровки» непонятого названия). Поскольку В.В. Пименов выбирает для исследования элементы материальной культуры, а не абстрактные события из далекого прошлого или биографические подробности жизни национальных героев, последовательность его выводов и аргументированность кажутся достаточно обоснованными. Это связано, вероятно, с поставленной задачей и конкретным материалом, не нуждающимся в интерпретации.

Содержательность. Поиск исторической «содержательности» в былинах – подход, в рамках которого сопоставлению с реальной действительностью подлежит все, что относится к фабуле, сюжету или привязано к богатырю. Именно этот подход, собственно, и доминирует в исследованиях представителей исторической школы.

Огромный интерес в рамках «содержательного подхода» представляет разбор Ю.А. Новикова былины «Глеб Володьевич», известной лишь в нескольких записях. В начале он отмечает, что исследователи склонны обращаться к самым ранним записям былины, так как считают их наиболее полными и сохранившими большее количество древних элементов [Новиков 2000, с. 16]. Тем не менее сравнительно поздний вариант записи, принадлежащий сказителю Максиму Антонову, дополняет ранние (особенно это касается второй части былины), поэтому Ю.А. Новиков привлекает его для своего исследования.

Он отмечает наличие в былине о Глебе Володьевиче таких подробностей, которые нельзя отнести ни к сказительской импровизации, ни к книжному влиянию или влиянию других фольклорных жанров. Исследователь также считает, что нельзя отказывать былине в наличии исторических деталей, но уточняет, что она – не историческая хроника, а поэтический рассказ о прошлом [Новиков 2000, с. 22]. Это принципиально другой подход, нежели у приведенного выше В.В. Пименова. Исследователь учитывает все в совокупности: и возможное книжное влияние, и художественную специфику былин, и ее подчеркнутую историчность: «Наши наблюдения над диалектикой бытования и исторического развития былин, как правило, базируются на тех фактах и реалиях, которые содержатся в текстах, а не являются плодом гипотетических реконструкций и предположений» [Новиков 2000, с. 16].

Разберем подход Ю.А. Новикова подробнее. Исследователь приводит различные интерпретации сюжета исследователей исторической школы (В.Ф. Миллер, А.В. Марков, Б.А. Рыбаков, М.М. Плисецкий) и соглашается с тем, что в былине показан поход

русских князей на Корсунь. В варианте М. Антонова, в отличие от вариантов Крюковых (записанных в Зимней Золотице), дано описание осады Корсуни, соответствующее летописным известиям о походах русских князей на Херсонес. Внимание Ю.А. Новикова привлекает фрагмент былины, в которой «редовой солдат» (поздняя замена) советует насыпать «гороху едрёного» на барабаны, чтобы проверить наличие подземных подкопов, по которым в Корсунь доставлялось продовольствие:

Да ой же ты, Лев сын Володович!
Не позволь ты меня казнить – вешати,
Да позволь ты мне слово молвити.
Стоянком нам города не выстоять,
Глеженьем стена нам не выгледеть,
Да взеть нам нать город – то с мудростью.
Обнесите барабаны кругом Корсунь – городу
Насыпьте гороху едрёного,
Ударим мы все во единое,
В одном месте пляшут – гороху не уйметца.
Берите шипы долгомерные,
Щупайте о матушки сырой земли,
Есь ведь там ходы подземельные,
Идут ведь запасы там хлебные
(Аст. I: № 15).

В былине, уточняет исследователь, говорится о «контрподкопе», изолирующем осажденный город полностью, в отличие от обычного подкопа. Принимая основание, согласно которому этот эпизод относится к ранней редакции былины, в варианте М. Антонова видим еще один аргумент в пользу мнения В.Ф. Миллера и А.В. Маркова о том, что былина повествует об одном из походов русских князей на Корсунь.

Ю.А. Новиков уточняет, о каком именно из походов могла рассказывать былина: «Особенно серьезное подкрепление получает первоначальное мнение Миллера, связывающего создание эпической песни с походом на Корсунь Владимира Святославича в 988 г.» [Новиков 2000, с. 19]. Об этом может свидетельствовать единственно полный и близкий к былинному сюжету летописный рассказ о походе Владимира Святославича, в котором описывается, как был взят осажденный город. Владимир остановился на расстоянии полета стрелы (важная деталь) от Корсуни и приказал воинам сделать насыпь у городской стены, чтобы проникнуть внутрь; эту насыпь осторожно убирали осажденные, и осада продолжалась;

тогда один из жителей Корсуни дает подсказку Владимиру с помощью надписи на выпущенной в его сторону стреле; в известии рассказывалось о расположении колодцев, из которых в город поступала вода; Владимир перекрывает доступ к колодцам, после чего Корсунь сдается.

В былине этому рассказу соответствует фрагмент с насыпанным на барабаны горохом: «пляшущий» горох будет означать, что под землей, во-первых, есть подземные ходы, а во-вторых, по ним кто-то передвигается (и этот же кто-то проносит через них продовольствие в осажденный город).

О встречаемых подкопах в Киевской Руси ничего неизвестно (в русских повестях XV в. упоминаются контрподкопы, которые были нужны осаждающим для обнаружения подкопов противников). Зато есть сведения об упоминаемом былиной способе обнаружения вражеских подкопов, в точности применяемый венграми для защиты крепости Эгер (XVI в.): чтобы определить, делают ли осаждающие крепость подкопы, дежурные наблюдали за насыпанным на барабаны горохом, который точно так же, как и в былине, начинал «плясать» из-за колебаний земли [Новиков 2000, с. 21].

Может показаться, что механизмы исторического сравнения Ю.А. Новиков в исследовании применяет такие же, какие применял, например, В.Ф. Миллер: берется эпизод или целый сюжет былины и сопоставляется с летописными известиями и устными преданиями (заведомо принимавшиеся исследователем за полноценные исторические источники). Действительно, и В.Ф. Миллера, и Ю.А. Новикова, исходя из принципов моей предварительной классификации, можно «записать» в группу исследователей, для которых главным основанием для исторического сравнения становится прежде всего содержание былины, ее сюжет. Но при этом очевидном совпадении важно учитывать, как и в связи с чем исследователи понимают историзм былин. Для В.Ф. Миллера не представляет проблемы вытащить как из былины, так и из летописи единичный факт или факты и рассмотреть их в условной «серой зоне», то есть вне всего остального текста, при этом, конечно, все же оставаясь в рамках былинного сюжета. Ю.А. Новиков же делает наоборот: у него нет «серой зоны», он «передвигается» только по текстам, и точкой отсчета в его исследовании также является текст, причем былинный, а не летописный: обнаружив в ней потенциально историческую деталь, он, оставляя ее в сюжете как часть целого, не вынимая, затем находит доказательства в пользу ее исторической достоверности.

Помимо летописей и устных преданий, Ю.А. Новиков отмечает такие исторические маркеры, как личные имена и элементы

исторических реалий. Содержательный подход представляется наиболее полным: его задача состоит в максимальном раскрытии исторической основы былины. Источники, на которые опираются представители данного подхода, могут быть самые разные, но наибольшую ценность будут представлять те, которые помогут найти соответствие эпического текста с реальной действительностью на сюжетном уровне.

Социальный контекст. Исследовательский подход, который обозначен как «социальный контекст», нацелен на выявление идей той или иной исторической эпохи, общественных отношений, экономической и промысловой сторонах жизни. Если «материальный» подход – это буквальный и осязаемый фон эпического мира с гридницами, улочками-переулочками и богатыми сапогами Чурилы Пленковича, то подход, в котором изучается «социальный контекст», будет скорее фоном имплицитного характера, в котором сплелись сразу несколько сфер жизни, объединить которые под общим названием пока не представляется возможным. В рамках этого подхода рассматривается исследование А.В. Маркова¹².

А.В. Марков в начале своей научной деятельности был прямым учеником В.Ф. Миллера и подходил к изучению былин, основываясь на его концепциях и разделяя их. После смены взглядов на самодержавие и ввиду революционных настроений он все больше отходит от историко-бытового направления к историко-социологическому (классовому). В рамках этой работы А.В. Маркова следует отнести к типу исследователей, для которых на первом месте стояла задача изучения социального контекста в былинах.

Принимая положения теории заимствований, А.В. Марков говорит о трудностях, которые испытывает представитель исторического подхода при анализе былин: прежде чем начать выделять черты древнерусского быта, ему требуется исключить из текста все заимствованные сюжеты и *loci communes*. Кроме этого, важно учитывать специфику эпического жанра и его поэтический характер повествования, согласно которому главные эпизоды и детали эпического мира подвергаются сильной художественной переплавке, и обращать внимание на «побочные обмолвки», менее подверженных изменениям¹³. В работе А.В. Маркова остановимся на разделе, посвященном экономическому быту Древней Руси.

¹² См.: *Марков А.В.* Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 42–112; № 4. С. 1–27.

¹³ Там же. № 3. С. 42–43.

Основной экономического устройства жизни Руси до конца XV в. были охота и рыбная ловля, еще не уступившие место земледелию (переход происходил в XVI–XVII вв.). В былинах, появившихся раньше XVI в. (в связи с принятием А.В. Марковым концепции коренной переработки русского эпоса в XVI–XVII вв.), должны были сохраниться представления именно об охоте и рыбной ловле (и, как он заметит далее, в эпосе мало упоминаний земледелия, исключение составляла только былина о Волге и Микуле).

Л. Майков, придерживающийся противоположного взгляда и считавший, что главным занятием в былинах является земледелие, связывал отсутствие его частого упоминания с редким участием в сюжетах простого класса. А.В. Маркова такое предположение, конечно, не устроило: он считал, что эпос мог рассказывать о земледелии, описывая пахарей как работников представителей высшего класса – князей и бояр, но вместо этого отдает предпочтение предшествующим земледелию занятиям, которыми занимались городские артели и дружина. Далее исследователь выстраивает анализ, применяя классовый подход; в былинах о Волхе и Чуриле показаны разные модели взаимоотношений нанимающего и нанятых, где Волх – князь и предводитель – занимается охотой вместе со своим отрядом, а «богатый изнеженный горожанин» Чурила только пользуется тем, что добыла наемная артель, не принимая непосредственного участия¹⁴.

В пользу того, что былина может описывать сложные отношения представителей разных социальных классов, А.М. Марков приводит пример эпизода из былины о Чуриле. Известно, что горожане могли ловить рыбу с условием передачи части улова князю; в былине мужики говорят князю Владимиру, что у них для него «приносу нет»:

Свет, государь, ты Владимир князь!
Ездили мы по рекам, по озерам:
На твои щаски княжеския
Ничего не поимавали
Тебе, государю, приносу нет
(Кир. 1878, с. 108).

Под «приносом», по предположению А.В. Маркова, могла подразумеваться та самая часть улова, которую горожане отдавали князю.

¹⁴ Там же. С. 52.

Охота упоминается в былинах часто: князь просит богатырей настрелять дичь для пира, герои стреляют птицу ради забавы и т. д. Достаточно достоверно показаны различные способы и места охоты: на крупных зверей охотились с помощью рогатин, птиц ловили дубовыми западнями и «шелковыми» силками, охотились на них с помощью стрел, рыбу ловили неводами; охота может происходить на княжеских «займищах» и т. д. Предметы охоты упоминаются былинами часто, также достоверно: лисицы, горностаи, соболи, волки и др.

Все эти упоминания соотносятся с данными старых русских памятников – А.В. Маркову важно показать, что описанные в былинах бытовые черты соответствуют конкретному времени и что их историческую достоверность можно подтвердить (даже если вопрос касается перечня птиц и зверей, убиваемых на охоте). Но элементы материальной культуры на самом деле уходят для исследователя на второй план; на первый план, хоть и неявно, выходит общая историческая обстановка, на фоне которой разворачиваются действия.

Собственно, исследование социального контекста через эпос и соотнесение фрагментов текста «со сменой эпох», «сменой родовых установок», «отражением социальной жизни эпохи» – оказывается популярным в эпосоведении начиная с середины XX в. (см., например, [Жирмунский 1962; Мелетинский 1963]).

Подход, который применяет в своей работе А.В. Марков, хорошо подходит для создания исследователем своего мира, своей версии исторической действительности, сборки реальности через детали текста. Подчеркнем здесь важность методов для создания реальности, которые используют представители исторической школы: «Метод пересоздает реальности, порождая новые версии мира» [Ло 2005, с. 293].

В истории деятельности школы, сформированной на рубеже веков В.Ф. Миллером и его учениками, происходили разные события – от смены концептуальных положений (вопрос о происхождении эпоса, «аристократическая» теория против «народной») и различных дискуссий (например, дискуссия В.Ф. Миллера и А.В. Маркова, полемика Б.А. Рыбакова и В.Я. Проппа и другие), «переключки» со смежными науками (история, лингвистика) и др. Но одно на протяжении всего времени ее существования оставалось неизменным: общая идея поиска в былинных текстах исторического начала.

Позитивистский культ фактов, оказавший на историческое направление решающее влияние, приводил исследователей былин к разным, подчас противоположным выводам. Проблема

интерпретации была связана не столько с образованием ученого (археолог он или лингвист) и не столько с общим интеллектуальным контекстом времени, сколько с выбором самого материала исследования. Для меня принципиально важным (но, возможно, пока понятным лишь интуитивно) кажется восприятие учеными того, что именно они изучают. Соотношение былинного текста с историческими реалиями представляется несколько искусственным: сопоставление возможно только в том случае, если то, что сопоставляется, равноценно в отношении друг к другу. И поскольку былины сравниваются не только с отдельными историческими реалиями, но и с целым историческим миром в совокупности, стоит признать, хоть и с некоторой долей сомнения, что последователи исторической школы сопоставляли мир реальной действительности с эпическим миром.

Важна и принципиальная разница исследовательских подходов: воспринимая былинку только лишь как текст, ученый автоматически ставит ее в один ряд с памятниками древнерусской культуры. Но едва ли возможным представляется то обстоятельство, при котором ради еще одного альтернативного исторического источника будет создаваться не только научное направление, но и целая школа.

Предварительно (и в качестве материала для дальнейшей разработки) я выделяю три основных исследовательских подхода в изучении русского эпоса: материальный, основанный на четкой фактологии с привлечением археологических данных; содержательный, в котором учитывается фабула, сюжет и все с ними связанное; подход, в рамках которого изучается социальный контекст, где сочетаются все составляющие реальной действительности, но основной упор делается на социальную сторону жизни.

Еще один важный аспект, о котором стоит сказать, касается процесса одновременного изучения сразу двух миров – исторического и эпического. Как было кратко отмечено в начале статьи, ученые исторического направления при изучении русского эпоса не столько занимаются описанием и реконструкцией исторической действительности, сколько сами ее конструируют. «Фактологическая притянутость» некоторых исследований говорит в пользу этой гипотезы: ученые чаще видят то, что хотят увидеть, объясняя и легитимируя исследование «твердым историческим фактом». Но это вовсе не означает, что исследование эпоса в историческом аспекте должно восприниматься как непродуктивное: напротив, проблема историзма должна рассматриваться как наиболее актуальная в поле позитивистской парадигмы в гуманитарных и, в частности, в фольклористических исследованиях.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

Источники

- Аст. I – Былины Севера: В 2 т. / Записи, вступ. статья и коммент. А.М. Астаховой. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л.: Академия наук, 1938. 656 с.; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л.: Академия наук, 1951. 848 с.
- Кир. 1878 – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 3-е изд. по 2-му, полн. изд. М.: Тип. А.А. Торлецкого и К°, 1878. 296 с.

Литература

- Азбелев 1982 – *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. 327 с.
- Букатина 2005 – *Букатина Ю.Е.* Русская былина в культурно-историческом контексте: проблемы интерпретации в XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2005. 146 с.
- Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.: Гослитиздат, 1962. 435 с.
- Иванова 2009 – *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX в.: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.
- Конча 2010 – *Конча С.В.* Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2010. № 4 (42). С. 42–55. URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2010_4/part_4.pdf (дата обращения 15 мая 2023).
- Липец 1969 – *Липец Р.С.* Эпос и древняя Русь. М.: Наука, 1969. 302 с.
- Ло 2005 – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 344 с.
- Мелетинский 1963 – *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 462 с.

- Неклюдов 2015 – Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 214 с.
- Новиков 2000 – Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 373 с.
- Петров 2017 – Петров Н.В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит; Редкая птица, 2017. 280 с.
- Фроянов, Юдин 1997 – Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история: работы разных лет / Под ред. К.В. Чистова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 591 с.

References

- Azbelev, S.N. (1982), *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of epics and the specifics of folklore], Nauka, Leningrad, USSR.
- Bukatina, Yu.E. (2005), “Russian bylinas in cultural and historical context: problems of interpretation in the 20th century”, Ph.D. Thesis, History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Froyanov, I.Ya. and Yudin, Yu.I. (1997), *Bylinnaya istoriya* [Epic history], in Chistov, K.V. (ed.), *Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Saint Petersburg, Russia.
- Ivanova, T.G. (2009), *Istoriya russkoi fol'kloristiki 20 veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g.* [History of Russian folklore studies of the 20th century: 1900 – the first half of 1941], Dmitrii Bulanin, Saint-Petersburg, Russia.
- Koncha, S.V. (2010), “Folk tales (bylinas) on Svyatogor and issue of bylina's epic historicism”, *Ancient Russia. Issues of medieval studies*, vol. 42, no. 4, pp. 42–55, available at: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2010_4/part_4.pdf (Accessed 15 May 2023).
- Law, J. (2015), *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After method: mess in social science research], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, Russia.
- Lipets, R.S. (1969), *Epos i drevnyaya Rus'* [Epic and Ancient Russia], Nauka, Moscow, USSR.
- Meletinskii, E.M. (1963), *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [The origin of heroic epic: early forms and archaic monuments], Oriental Literature Publishers, Moscow, USSR.
- Neklyudov, S.Yu. (2015), *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [The poetics of the epic narration: space and time], Forum, Moscow, Russia.
- Novikov, Yu.A. (2000), *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [The singer and the epic tradition], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Petrov, N.V. (2017), *Russkii epos: geroi i syuzhety* [Russian folk epics. Characters and storylines], Neolit, Redkaya Ptitsa, Moscow, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1962), *Narodnyi geroicheskii epos: Svravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epic: comparative historical studies], Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Яна И. Павлиди, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; augusta.pavlidi@gmail.com

Information about the author

Yana I. Pavlidi, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119571; augusta.pavlidi@gmail.com